

Chris Gilleard, Paul Higgs. *Ageing, Corporeality and Embodiment.* L.; N.Y.; Delhi: Anthem Press, 2013. 212 p.

Книга Криса Гильярда и Пола Хигса «Старение, телесность и воплощение» ставит действительно актуальный как для самого общества, так и для теоретиков этого общества вопрос телесного воплощения процесса старения. Данная работа представляет собой основательный труд, как бы ни банально это звучало. Авторы в лучших традициях американской гуманитарной мысли четко, структурированно, понятно и логично излагают материал, объем и разнообразие которого легко бы могли стать поводом для десяти томника или целой энциклопедии, посвященной вопросу телесного измерения культуры. Подобная книга с легкостью может быть представлена как толковое учебное пособие для студентов-социологов, всерьез интересующихся вопросами телесного в современном постиндустриальном обществе. Здесь есть и изложение уже существующих теорий, и оригинальные размышления самих авторов, и обширный набор примеров, замечаний и наблюдений из истории становления современных режимов телесного. Основной же акцент в книге уделен процессу трансформации и разнообразию логик телесного в массовой американской культуре последних десятилетий.

Гильярд и Хигс берут за точку теоретического отсчета очередной поворот, произошедший не так давно в гуманитарных науках, а именно поворот соматический. Данный поворот имеет как своих отцов-

Любава Евгеньевна Шатохина
Европейский университет
в Санкт-Петербурге
lshatokhina@gmail.com

основателей, так и верных учеников и приверженцев, кратко, но довольно исчерпывающему описанию идей которых и посвящена большая часть вступления и первой главы книги. Однако, как справедливо замечают исследователи, повернувшись к телу, социологи оставили вне поля зрения важное измерение данного вопроса, а именно возраст. Стареющее тело, телесность и работа времени каким-то странным образом ускользают от внимания развернувшихся к человеческой плоти гуманитариев.

Доказательство существования соматического поворота в теории и новых режимов телесного в жизни иллюстрируется авторами книги не только через обращение к уже ставшим классическими работам по телесности таких авторов, как Фуко, Мерло-Понти, Бахтин, Элиас, Батлер и многие другие, но и через краткий анализ основных измерений и практик телесного. Авторы разбирают ряд различных измерений нашей идентичности (гендер, раса, инвалидность и сексуальность). И каждой из этих идентичностей посвящена отдельная глава, выстроенная по модели: теория, история, современность. В следующих за ними четырех главах по той же схеме осуществляется разбор отдельных практик, в которые вовлечено тело стареющего субъекта: секс, различные способы одеваться и пользоваться косметикой, фитнес и улучшающая (aspirational) медицина.

Отправной точкой всех размышлений о смещении и трансформации режима телесного в современном американском обществе является для авторов культурный сдвиг, произошедший в 60-е гг. XX в. и имеющий последствия по сей день. Переломный момент в отношении к социальному факту и практикам старения случился в ту пору, когда молодые люди эпохи культурных революций и бунтов 1960-х столкнулись с действительностью собственной биологической старости. Именно этот сюжет и становится той красной нитью, которая сшивает не то чтобы разнородные, но довольно разнообразные подтемы, к которым обращаются авторы, в одну книгу.

Во вступительном разделе работы читателю предлагается набор основных категорий, вокруг которых будет выстраиваться последующий анализ. Основные четыре единицы представляют собой: «телесность» (corporeality), «воплощение» (embodiment), «воплощенные идентичности» (embodied identities) и «воплощенные практики» (embodied practices). «Термин “телесность” используется для того, чтобы обозначить относительно не опосредованную материальность тела» (Р. ix). «“Воплощение”, с другой стороны, относится к телу как к движущей силе или посреднику социального действия» (Р. ix). «Термин “воплощенные идентичности” относится к идентич-

ностям и стилям жизни, основывающимся на наборе коллективно разделяемых (осознаваемых) телесных отличий» (Р. ix). «Под “воплощенными практиками” мы понимаем все те практики заботы о себе и самовыражения, которые опосредованы обществом в и через автономные тела» (Р. ix). Вся структура рассуждения строится по принципу разделения ключевых категорий по парам: телесность — воплощение, идентичности — практики.

Первый раздел книги, который озаглавлен «Идентичность, воплощение и соматический поворот в социальных науках», некоторым обзором подготавливает читателя и выстраивает базу для последующих аргументов. Авторы обращаются к революции 1960-х во всех крайностях контркультурных проявлений данной эпохи. Именно в этот момент, по их мнению, тело появляется и актуализируется как в пространстве повседневного опыта, так и в теоретических дебатах. Однако парадокс заключается в том, что в жизни молодежных контр- и субкультур это тело однозначно является исключительно юным, тогда как в дискурсе социальных наук наша плоть представляется атемпоральной данностью, которая не подвержена изменениям во времени.

Дабы разобраться в подобном теоретическом упущении, авторы предлагают свой разбор основных теорий телесного в трех налагаемых друг на друга плоскостях.

- Основная, по их мнению, плоскость рассмотрения — это как раз осмысление самой телесности (Фуко, Мосс, Мерло-Понти, Гоффман, Элиас, Бахтин, Делез и Гваттари). Данный уровень анализа наиболее обширный, он создает что-то вроде фона для всех остальных рассуждений.
- Следующий, средний (мезо) уровень представляет собой пространство измерения современного консюмеризма (Гидденс, Бауман, Лефевр).
- Верхний, самый прозрачный и тонкий, слой — это возрастное измерение темы, то есть изучение вопроса старости и старения (Фёзерстоун, Биггс, Гуле).

При этом таксономия теорий усложняется наложением поверх этих уровней ряда предметных сфер, таких как гендер, раса, инвалидность и сексуальность. Именно в наложении друг на друга этих трех уровней и четырех плоскостей Хиггс и Гильярд будут разворачивать и прорисовывать контуры собственного исследования по теме телесности и старения.

Вторая глава представляет развитие режимов телесного воплощения в исторической перспективе. Как утверждают авторы,

ссылаясь на ряд источников, домодерная культура, вследствие доминирования в ней визуального измерения, была связана с биологической формой старости, тогда как модерность начинает ориентироваться не на биологическую составляющую возраста, а на хронологическое его измерение. Вторая же модерность, которая начинается с 60-х гг. XX в., вновь возвращается к телу (биологии), что ярко проявляется в обществе массового потребления, которое существует по стандартам «молодежной» культуры (нормам молодого тела). Именно в 1960-е гг. старение становится социальной и культурной, личной и общественной проблемой. Ближе к сегодняшнему дню, а именно в 1980-е, идея возраста жизни подменяется идеей образа жизни и дополняется риторикой вечной молодости и ее сознательно-го поддержания и параллельно ведущейся борьбой со старостью. Модерный хроноцентризм сменяется телоцентризмом новой модерности, где старость может быть отложена или преодолена через работу над / с телом.

Непосредственный разбор воплощенных идентичностей начинается с обращения к гендерному аспекту телесного воплощения западной культуры. Читателю показывают, что в домодерную и модерную эпохи как старение, так и телесность относились лишь к мужскому измерению культуры. Только в 1960-е, во время сексуальной революции, женское тело выходит на первый план. Женщина «овеществленная» в современной культуре при этом оказалась втянутой в погоню за «вечной женственностью», осуществляющейся в форме либо вечной молодости, либо «достойного», «красивого» старения. В случае же с мужским телом в пространстве массовой культуры потребления начинает главенствовать нарратив «вечной функциональности» в отличие от риторики вечной «продуктивности», характерной для осмысления мужского тела в эпоху первой модерности.

Четвертая глава книги касается важного для Америки вопроса расовой идентичности в контексте изучения телесности и старения. Речь здесь идет именно о расе (фактически табуированном сегодня слове), так как именно она через биологические проявления тела, прежде всего цвет кожи, является воплощенной частью идентичности. Раса (как и гендер) чаще всего игнорируется геронтологами, между тем этот аспект старости все же проявляется через понятие «удвоенной уязвимости»: быть пожилым и быть не белым. В исторической же перспективе белое и черное тело вплоть до середины XX в. представляли собой два различных вида, кардинально отличных как на биологическом, так и на социальном уровне. Однако в 1960-е гг. положение черного тела в культуре радикально меняется. Идеи торжества черной идентичности, представленного такими

движениями, как «Черная гордость», «Черная сила», становятся неотъемлемой частью доминирующей культуры молодости, в которой новые черные иконы выходят на рынок массового потребления. В дальнейшем этническое становится важным аспектом стиля жизни и практик потребления. В нашем веке цвет кожи начинает приобретать значение в процессе старения в том числе и потому, что «требует» спецификации потребительских практик, продвигаемых агрессивными маркетинговыми компаниями по борьбе со старостью.

Не менее важным аспектом старения авторы считают его отношение к инвалидности. Несмотря на кажущееся сходство и общие места, исследования о старости и инвалидности почти не соприкасаются. Так, забота о «неполноценном» теле вплоть до конца XIX в. была связана исключительно с уходом за детьми и подростками. В эпоху мировых войн инвалидность как проблема (даже трагедия) — это приобретенная инвалидность молодого тела. В результате молодежных контркультурных выступлений в 1970-х гг. появляются движения за права инвалидов, которые выдвигают соответствующие духу времени лозунги: борьбы за аутентичность, стиль жизни, свободу и уважение. Но они все так же говорят исключительно о молодом, пусть и ином теле. Эти требования не ограничиваются идеями включения и равноправия, но резонируют с идеологией разнообразия потребления. Задачей общества становится построение «позитивного образа» инвалида, закрывающего глаза на его явно видимые различия, т.е. на телесность.

В 1980-е с развитием идей постструктурализма телесное измерение возвращено инвалидности через признание, а не сокрытие физических страданий «неполноценного» тела. Однако до сих пор инвалидность, снова получившая свое телесное воплощение, представляется как нечто вневременное, т.е. не имеющее прямого отношения к старению и возрастным изменениям. И хотя старики и инвалиды в общественном дискурсе находятся в одном положении относительно функциональности и здоровья, их статусы сильно разнятся. А единственная сфера, готовая соединить эти два аспекта человеческой телесности (техника, помогающая «неполноценному» телу), исключена из повестки дня по меркантильным соображениям: тот, кто не может платить, не достоин внимания.

Последняя глава раздела, который повествует о различных аспектах идентичности, посвящена вопросам сексуальной ориентации. И здесь события 1960-х гг. тоже играют решающую роль. Но как и другие воплощенные идентичности, сексуальность является атрибутом молодости, а старость видится в контексте постепенного угасания сексуальности. Тем не ме-

нее в процессе старения гей-активистов 1960-х и распространения эпидемии СПИДа в 1980-х в 1990-е гг. становится ясно, что гей-сообщество не является исключительно феноменом молодежной культуры. Именно тогда квир-исследования обращают внимание на процессы старения. Представители квир-культуры демонстрируют отличающиеся от гетеросексуалов модели старения. Так, если верить ряду исследователей, геи, живые иконы консюмеризма и культа тела, становятся на тропу войны против старости, тогда как лесбиянки, отвергающие стереотипы «женственности», с большей легкостью примиряются со старостью тела. Однако самым важным здесь является то, что изучение квир-сообщества вносит дополнительное измерение в исследования старения. Квир-дискурс отказывается от бинарности в пользу более сложных и изменчивых идентичностей. Если основываться на этой логике, то возраст может быть представлен как позиция инаковости, а не отклонения от нормы юности.

Начиная с седьмой главы авторы переходят от разбора вопросов идентичности к практикам осуществления возрастных и телесных различий. Первой практикой, которая подвергается подробному разбору в книге, становится секс. Здесь опять кардинальные изменения связаны с сексуальной революцией и молодежной культурой как ее движущей силой. Из вопроса приватного секс становится вопросом публичным, даже политическим. Секс теперь является важной частью потребительского габитуса и тем самым помогает становлению целых индустрий. В общественном дискурсе секс становится безусловной добродетелью и необходимой составляющей физического и психического здоровья. И если ранее секс фактически исключался из представления о старости, то теперь активная сексуальная жизнь стала важной частью проекта успешной старости. Постепенно меняется и характер индустрии, обслуживающей «возрастной» (да и любой другой) секс: с психиатрии и психоанализа в сторону фармацевтики и медицинского вмешательства. Но с точки зрения критической перспективы, вся эта одержимость сексом приводит к новым формам подавления, а именно к требованию быть не только вечно молодым, но и вечно сексуальным.

Тело постоянно выдает наш возраст, но в ситуации, когда мы хотим это предотвратить, существует набор техник, которые нам здесь помогают: практики использования косметики, одежды, моды. Еще до середины XX в. все это было достоянием лишь небольшой группы элит, но вот уже почти век продукты ухода за собой и мода являются не маркерами роскоши, но насущной необходимостью. В самом начале зарождения индустрии красоты в фокусе внимания было лишь молодое тело,

чьи стандарты задавались в качестве эталона на телевидении и в массовой рекламе. Однако в 1980-е гг. пожилые люди начинают рассматриваться в качестве потенциальных покупателей / потребителей. В связи с этим появляется новое подразделение внутри индустрии красоты, «космецевтика» (cosmeceuticals) — гибрид косметологии и фармацевтики. В нашем веке антивозрастные продукты ориентированы не только на пожилых, появляется и целый ряд превентивных продуктов и услуг, продвигающих идею профилактики старения в любом возрасте. Примерно в том же направлении идет развитие модной индустрии, которая еще в середине прошлого века ориентировалась исключительно на молодых покупателей, тогда как сегодня возрастной сегментации рынка одежды для взрослых почти не существует.

Другой важной практикой проекта успешного старения становится фитнес. Фитнес в пожилом возрасте преследует собственные цели: противостояние болезни, старости, лишнему весу. Массовым феноменом фитнес становится только в 80-е гг. XX в., до этого он был уделом детей и юношества, а в зрелые годы физкультура была занятием исключительно мужским. Интересна и смена идеологической модальности физической нагрузки и спорта в XX в.: от идеи здоровья нации к идее индивидуальной заботы о себе. Фитнес нашего времени укоренен в идее и даже одержимости «воли к здоровью», выбрасывающей за рамки нормы всех, кто ее не разделяет. Превращаясь в массовую индустрию, фитнес, постоянно откладывая конечное удовлетворение результатом, втягивает людей в процесс еще более интенсивного потребления сопряженных услуг и товаров. Кроме того, фитнес и физические упражнения становятся важной частью досуговых практик в ситуации, когда работа все меньше связана с физической нагрузкой.

В последней главе, посвященной практикам новой воплощенной старости, авторы обращаются к медицине, которая сегодня трансформируется в медицину улучшающую (*aspirational medicine*). Существующая в обществе массового потребления вера в то, что вещи могут и должны становиться только лучше, приводит к идее позитивного здоровья: постоянной оптимизации и улучшения всех показателей. В сфере пластической хирургии, которая становится важной силой в процессе противостояния старению тела, стирается грань между медицинскими и косметическими процедурами. «Омолаживающие» процедуры и технологии, которые ранее в среде серьезных медиков и ученых рассматривались не иначе как шарлатанство, становятся все более привилегированным предметом исследования. Распространяющиеся практики пластической хирургии сменяют границы власти между врачом и пациентом: теперь

именно пациент контролирует и решает, каким образом его тело должно быть модифицировано, что дарует пожилому телу большую степень агентивности. В поздней модерности стареть или не стареть становится делом личного выбора.

Подводя итоги, авторы приходят к выводу, что времена второй модерности, общества потребления и досуга — это возвращение к более телесно воплощенному обществу. В 60-е гг. XX в. появляется новое критическое прочтение телесных идентичностей, которое отказалось от биологического эссенциализма и социальной устойчивости идентичностей в пользу дискурса выбора. В связи с этим десятью годами позже начинает развиваться новый проект «успешного / позитивного» старения. Присущая новоевропейскому представлению о времени необратимость сегодня вступает в противоречие с консюмеристскими идеями вечной молодости и постоянного совершенствования. Критики общества потребления видят в этом новом прочтении отношения к телу дополнительный источник подавления и маргинализации тех, кто не в состоянии или сознательно отказывается симулировать отсутствие старости. Тем не менее авторы книги не столь пессимистичны и утверждают, что сегодня тела действительно могут стать и становятся «лучше».

Одновременным достоинством и недостатком книги, с моей точки зрения, является масштаб рассмотрения. Авторы дают такой обширный теоретический и исторический разворот темы, что в итоге создается эффект контурной карты, негативным последствием чего становится утрата важных деталей, полутонов и нюансов. В недавнем обзоре исследований, посвященных как раз вопросу старения и тела [Clarke, Korotchenko 2011], много раз проговаривается тот факт, что результаты исследований часто противоречат друг другу, что совершенно нельзя утверждать однозначность тех или иных выводов, а иногда трудно проследить и какую-либо тенденцию. В книге же все настолько четко, структурно выверено и почти всегда однозначно, что стоит только позавидовать гению авторов, которые знают, как оно было на самом деле (теле), начиная с эпохи античности и до наших дней.

Между тем из текста становится совершенно ясно, что речь идет не просто о режимах телесного в какой-то абстрактной западной культуре, а конкретно о ситуации в США сегодня, но авторы нигде отдельно не проговаривают данный факт. Исходя из логики их изложения описываемые ими процессы более или менее схожи для всех культур, вставших на путь массового потребления. Дело тут не в том, что можно было бы показать телесность во всем ее многоликом культурном и этническом

разнообразии, но в том, чтобы четко отдавать себе отчет: речь идет исключительно о североамериканском обществе XX–XXI вв. Возможно, только в этом контексте заявления о неоспоримой важности культурной революции 1960-х и необратимости ее последствий для последующего развития общества имеют смысл. Хотя лично я не стала бы так однозначно говорить о полном, тотальном, непреодолимом разрыве преемственности, которое происходит во всех сферах культуры, в том числе в отношении телесного во всех его проявлениях.

Если же согласиться, что в книге описаны сюжеты, непосредственно связанные лишь с американской культурой повседневности последних десятилетий, то и здесь нельзя говорить, что мы имеем дело с однозначными, однонаправленными тенденциями. Совершенно справедливо беря в оборот своего анализа такие аспекты, как гендер, сексуальную ориентацию, расу, наличие или отсутствие инвалидности, постоянно добавляя к этому измерение возраста, авторы все-таки упускают из виду такую важную для идеологий и практик потребления характеристику, как социальный статус / класс / материальный достаток. В связи с этим то, о чем идет речь в книге, — это некий усредненный портрет, среднестатистический анализ человека с улицы, который может дать нам некоторое представление, но страдает от довольно большого количества натяжек.

Вполне справедливое и аналитически оправданное разделение на конкретные уровни анализа, определенные характеристики идентичности, а также специфические практики повседневности в итоге превращает сложнейшие феномены и процессы в обществе в схематичные и упрощенные фигуры. Стоит отдать должное тому, что авторы пытаются совместить перспективу идентичностей с практиками воплощения телесного. Однако в итоге получается довольно искусственное наложение по законам жанра, а не исходя из логики самого материала. Эта же проблема материализуется во многих других вопросах, которые авторы отдают на откуп конвенциональности дисциплины. Ведь даже сам вопрос о том, какой возраст считать пожилым, остается в книге за скобками. Утверждая, что практики борьбы со старением сегодня — это не только удел пожилых, авторы фиксируют некоторую данность, но при этом как бы не замечают важности тех вопросов, которые оставляются ими в стороне.

Вероятнее всего, мое легкое чувство недовольства или скорее неудовлетворенности от данной книги связано не с недочетами авторов, а с моей собственной дисциплинарной и идеологической позицией. Как антропологу мне не хватало деталей, микросюжетов, разнообразия и сложности. Как человеку, кри-

тически относящемуся к культуре массового потребления и конюмеризму, мне не хватало твердой позиции обличителя тех моделей подавления, которые испытывают на себе сегодняшние стареющие тела.

Несмотря на всю высказанную выше критику, нельзя не отметить, что книга представляет богатейший материал по вопросам тела и старения, тщательно разобранный и структурированный авторами. При этом каждый волен решать, насколько данная структура является адекватной материалу и соответствующей сложности представляемой реальности. Книга изобилует точными примерами, интересными замечаниями и любопытными наблюдениями. Авторы со всей серьезностью и систематичностью разбирают идеи своих предшественников и коллег. Книга, безусловно, способна раздразнить любопытство читателя, одарить исследователя неисчерпаемым материалом для собственного анализа, порадовать знатока масштабностью и размахом анализа темы.

Библиография

Clarke L.H., Korotchenko A. Aging and the Body: A Review // Canadian Journal on Aging. 2011. September. Vol. 30. No. 3. P. 495–510.

Любава Шатохина